

7/05/
729

TEATP

1

1968

Л. Тихвинская

...ЭТОТ МОЛОДОЙ Мионов

В роли
Присыпкина.
«Клоп»
В. Маяковского

В роли
Дон Жуана.
«Дон Жуан,
или Любовь
к геометрии»
М. Фриша

В роли
А. Савельева.
«Савельев»

Все выше и выше — до невозможного. Почти под самые колосники взлетает нога, лопасти мелькают руки. Это Мионов. Для него наслаждение двигаться. Он существует в движении. Движение — захлеб. Радость бытия. Радость без оглядки. Оттого, что он есть на этом свете и будет жить, будет жить всегда, чтобы там ни было. Контрапунктом Ю. Олеше клокочет, вопит мионовское: «Да здравствует мир со мной! Да здравствует мир через меня!» (Купающиеся мальчишки в деревенском пруду,

плавающие саженками, на боку, на спине, ныряющие и выплывающие, отфыркиваясь. До посинения, до гусиной кожи).

Мионов — вахтанговец. Его «вахтанговское веселье, веселье-наваждение обнаруживает в нем — современном московском актере-интеллигенте» — наследника древнерусских дурашливых шутов-скоморохов. Толпа ротозейно сгрудилась вокруг, смеется — дурач! И приятно толпе смотреть на дурака, как он выкобенивается. Приятно понимать, что дурач. Раз понимаю, гогоча, значит, сам не дурач. И вдруг... в толпе недоуменно поворачиваются друг к другу: что дурач сказал? Что сделал? Что-то мгновенно-непонятное. И исчез. Нет его уже. И след простыл. И стоит толпа и понять тужится. Так и не поняв, утираясь, расходится. Кто громко чертыхаясь. Кто стыдно глаза пряча.

Индивидуальность Мионова множественна — в каждой роли проявляется часть ее, одно ее качество. Посмотрев его подряд во многих спектаклях, на каждом очередном думаешь: «Ну, все, эта последняя роль — удивительная». И чувствуешь, что да, последняя. Как в той восточной притче о колоде, из которого, если вытаскишь последнее ведро, уверенный, что оно последнее, всегда на дне останет-

ся еще одно, только одно ведро, наверняка последнее. И так все время.

Многие мироновские герои — «через». Появляясь на сцене, они сразу же (на мгновение или надолго) становятся эпитомом. Держат внимание на себе своей непохожестью, своим «не таким, как все». Не такой, как все, Холден Колфилд из «Над пропастью во ржи» (ему не с кем поговорить, а ему устраивают бойкот), не такой, как все, Жадлов («Доходное место»), не такой, как все, Дон Жуан. Все нормальные люди ходят в школы — в одну, а не меняют их пять, как Холден, всех нормальных людей устраивают педагоги, нормальные педагоги. Все нормальные люди знают, что после учения — служба (в идеале — «доходное место»), потом уж — жениться и, нарожав детей, можно умереть. Ненормальные, вернее, выбивающиеся из подобных «норм» — непонятны. А непонятное раздражает, оно колет глаза, не дает успокоиться. Будоражит, действует на нервы. Собой ежечасно напоминает одним про преданное ими, другим про невозможное, вскрывая самое сокровенно-больное, что запрятано глубоко внутри. И токсичную ненависть вызывает это в дремучей ординарности. «Что, — говорит бугай-эфрейтор хлипенькому солдатику из интеллигентов, читающему шекспировские сонеты, — а мешок о двух пудах на третий этаж внесешь? То-то, мор-р-ра-а!» Мстит бездарность торжествующая, сладострастно извиваясь в «макабрыской пляске отчаяния», и мстит бездарность пресмыкающаяся, и не может отомститься.

В спектакле «Доходное место» столкновение двух позиций обнажено до предела. Как жить? Как жить сегодня и завтра? Как относиться к прожитому вчера? Как жить всегда? Как остаться самим собой? Миронов здесь самый публицистичный в этом публицистичном спектакле. Остается где-то в глубине сцены мучительно сгорбленный Жадлов Островского. Но, кажется, тянет самого Миронова на авансцену, к самому краю ее, желание еще раз повторить сказанное, еще раз обдумать вслух.

Миронов играет человека, не пришедшего в конце к какому-то определенному решению. Он еще будет ошибаться, у него еще будут компромиссы. И сегодня это — правда. Сегодня эта проблема сложна, как никогда. Уверен Юсов, уверен Белогубов. Жадлов неуверен. Уверенность, какая бы она ни была, сильнее. Интеллигентская неуверенность всегда раинма. Мается над проблемой компромисса и бескомпромиссности Жадлов: «Надо подумать», — мучительно вышагивает он. Не раздумывая, перешагивает Белогубов через использованного им Юсова. Он, рациональное ничто-

жество, уверен. Размахивает руками, кричит, выходя из себя Жадлов. Сдержан, спокоен и тих Белогубов. Кто победит? Этот вопрос в спектакле остается открытым.

Миронов к своим героям всегда хорошо относится. И зрители тоже хорошо к ним относятся, даже когда вроде бы и не за что. Иногда это приводит к результатам довольно неожиданным.

Присыпкин в «Клопе» — человек маленький, ничтожный человек. Но вокруг Миронова — спектакль старый, утерявший и свежесть и определенность трактовок. И Присыпкин вдруг оказывается чуть не единственным живым в спектакле существом, единственно индивидуальным среди общей безличности. Особенно во втором акте — человек. Выгнувшая шея, оттопыренные плечи, круглые детские глаза, в которых непроходимая убежденность, радость уверенности, отсутствие сомнений. Он есть такой, какой он есть, и другим быть не только не желает, но и не может.

И еще — он не желает «как все». Он протестует против того, чтобы ему лезли в душу, в его мирок (пусть маленький, но его и ничей больше). Он по-своему естествен в любом своем проявлении. Любовь? — только такую, чтоб «замирала», чтоб «ещипала». «Чуть», — отвечает ему, — от любви надо мосты строить, детей рожать». Что ж! Наверно, можно и так, но у него так не получится и не может получиться.

Он не агрессивен — он защищается. Спротивляется тому, чтоб его, «разморозив, засушили». По-своему даже ищет контакта с людьми 78-го года. «Давай выпьем», — предлагает он врачу без слов, краснеющим оттопыривая мизинец и большой, поджимая в кулак остальные пальцы. «Не понимаешь?» — поднимает плечи, в расстираной неожиданности забывает их опустить; нос спаложком подгибается к сморщенному лбу — недоумевает. Переводит глаза на зал. Разъясните! На секунду по-собачьи в सदоточии, в предельном умственном напряжении замер. А-а-а, понял. И с искренней, наивной в этой искренности жалостью посмотрел на человека, которому недоступна первая из житейских радостей. Брезгливо презираемый людьми («Мразь», — говорит о нем Зоя Березкина), он сочувственно жалеет их, несчастных рациональных интеллектуалов конца XX века, переставших чувствовать, в чем смысл и прелесть бытия... Присыпкин — не единственный персонаж, который, будучи пропущен через индивидуальность Миронова, трансформируется весьма неожиданно.

Мироновский Дон Жуан — не фгйшевская сложная математическая формула. Не модель Дон Жуана, а сам он, голышник. Он еще не

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГР РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30